

Проблема героического в военной прозе Г. Бакланова

В современной художественной прозе значительное место занимают произведения Г. Бакланова, чье формирование как писателя пришлось «на время великого подвига и время великих трагедий, в чьей жизни неразрывны «писательство и солдатская судьба» [1, с. 458]. Опыт воинов своего поколения — солдат, сержантов, лейтенантов переднего края — Г. Бакланов считает бесценным, отражающим опыт народа. И свой долг писатель-фронтовик видит в том, чтобы рассказать правду о войне, о небывалом «солдатском и гражданском мужестве», «наивысшем подвиге народа», рассказать о тех, кто остались навеки девятнадцатилетними, «кто уже ничего и никогда о себе не расскажет» [7, с. 94].

Тема Великой Отечественной войны дает возможность раскрыть подлинную меру ценностей, поставить проблемы жизни и смерти, судьбы человеческой и судьбы народной. Связывая диалектически прошлое и настоящее, эпоху войны и современность, писатель, остро чувствующий болевые точки времени, озабоченный состоянием нравственного климата на планете, считает целью своего творчества утверждение гуманизма и добра, пробуждение чувства ответственности за судьбу мира и человечества.

Память Г. Бакланова сохранила эпизод его военной юности, когда он в колонне шел к фронту. Суровая зима, мороз, сапоги прилипли к ногам; дорога, расчищенная впереди прошедшим трактом. А утром восемнадцатилетний боец увидел из своего окопа снежное поле и перегородивший его немецкий передний край. И он до озарения ясно понял, что до сих пор шел жизненной дорогой, которую проложили для него другие, теперь — его черед: «Я не думал тогда категориями поколений минувшего, грядущего... Я просто увидел и понял, что отсюда дорогу вместе со всеми прокладывать мне. И для этого мне моя жизнь» [5, с. 19]. В одном из выступлений перед читателями, отвечая на вопрос, какой нравственный опыт он вынес из войны, Бакланов определил его как чувство ответственности.

Нынешнее время со всей остротой поставило проблему правды как общественно наиболее важную. «Урок правды» был воспринят военной прозой еще в 50—60-е годы. Г. Бакланов писал, что потребность правды, истины «в иные периоды бывает важнее хлеба насущного», «ответ на эту общественную потребность становится смыслом жизни» художника, цель которого — «поиск правды, необходимость в которой созрела в обществе» [1, с. 102, 272]. Но правда понимается писателем не как бесстрастная фотография факта, а как категория нравственная; она неразрывно связана с гуманистической направленностью

его творчества, ибо «вне человечества, вне добра и правды не было, нет и не может быть искусства» [1, с. 368]. Именно правда жизни, а не видимость ее является тем основополагающим принципом, который дает возможность писателю-фронтовику раскрыть основную тему его творчества — человек и война.

Обращаясь памятью к 50—60-м годам, когда его поколение входило в литературу со своей правдой о войне, со своим взглядом — взглядом солдата, встречавшим сопротивление и недоумение критики («окопная» правда), Г. Бакланов утверждает, что и тогда и сейчас «правда — это то единственное, чем не должна жертвовать литература, какие бы ни возникали в связи с этим временные соображения» [1, с. 434]. Ибо самая худшая тенденция — писать о войне так, как людям «должно» знать, как «якобы останется в истории», усыпляя совесть, воспитывая людей безответственных, неспособных к состраданию.

Правда о войне дает возможность раскрыть суть концепции героического, своеобразие его воплощения в военной прозе Г. Бакланова. Не приемля парадности в изображении войны, протестуя против «успокоительных, благополучных концов», умиротворяюще действующих на читателя, Г. Бакланов четко формирует свое художественное кредо: «писать жизнь такой, какой она складывалась, чтобы люди чувствовали в себе потребность и силу изменить ее к лучшему» [1, с. 449]. Исходя из этого, он ставит задачу: воссоздать атмосферу, в которой происходит действие, воспроизвести точные подробности боя, детали обстановки, знание которых дает личный опыт фронтовика, и через них раскрыть правду о человеке перед лицом смертельной опасности, его беспримерном героизме в жесточайшей схватке с фашизмом.

Человек — мера всех мер. Афористически точно и емко выражает Бакланов мысль о возможности через человека и в человеке увидеть и отразить мир: «Что может быть локальнее одной человеческой жизни, а ничего значительнее, чем человек, в литературе не было и нет. И нет иного способа исследования эпохи, как исследование человеческой души» [1, с. 273].

Проблема героического находит свое художественное воплощение в героическом характере, который заключает в себе определенную концепцию личности, выработанную художником. В произведениях Бакланова живут и действуют герои, близкие ему духовно, прошедшие дорогами его жизни, его военной судьбы, вынесшие на своих плечах все тяготы военного лихолетья. Это в основном рядовые участники событий, происходивших в стороне от главных ударов, на безымянной пяди земли, в районе маленьких, затерявшихся в просторах деревень, на окраине венгерского города Секешфехервара, на бесчисленных дорогах великой войны.

Простой человек, «безвестное мужество», «скромный подвиг», неотделимый от человечности, искреннего патриотического чув-

ства, понимания своего долга, — вот слагаемые авторской концепции героического, основанного на том, что «не только исключительное, из ряда вон выходящее было подвигом, но подвигом была и сама жизнь солдата на войне» [1, 361].

Лейтенант Мотовилов, герой повести «Пядь земли», молодой человек 40-х годов, воспитанный на идеалах революции, не совершает каких-то исключительных поступков, ярких героических подвигов, — он «один из многих тысяч лейтенантов, воюющих сейчас на всех фронтах. Одинаково одетых, одинаково обученных, одинаково вооруженных...» [3, с. 67]. Но в то же время Мотовилов ясно осознает, что он выполняет свой долг перед Родиной и погибшими товарищами, тепло которых несет в себе. Представление Мотовилова, а вместе с ним и автора о героизме находит воплощение в жизненной позиции связиста Шумилина: это осознание необходимости делать то, что нужно, выполнять свой солдатский долг, как бы ни было трудно.

Обычный на войне ратный труд связиста Шумилина Мотовилов считает подвигом: «С сорок первого года воюет человек, какой еще подвиг нужен?... Под бомбами, под снарядами... Ранен три раза. Такой связист, что куда угодно бери с собой — пойдет, слова не скажет» [3, с. 37]. Скромный подвиг Шумилина и таких же, как и он, безвестных героев войны, их искренний порыв в стремлении защитить Родину, своих товарищей, своих детей, их способность возложить на себя «большую меру ответственности и обязанностей, чем предъясняется к людям в обычных условиях» [8, с. 58], и являются, в представлении Г. Бакланова, воплощением истинного героизма, неотделимого от гуманизма.

Величие цели, за которую сражается советский народ, освещает путь героев писателя-фронтовика. Лейтенант Мотовилов понимает, что смертельная борьба с фашистами, против «бесчеловечной войны» — это битва за будущее, за гуманизм: «Мы не только с фашизмом воюем, мы воюем за то, чтобы уничтожить всякую подлость, чтобы после войны жизнь на земле была человеческой, правдивой, честной» [3, с. 76].

Неразделимыми оказываются часть и целое: «пядь земли» и вся планета, война с фашизмом и битва со всей подлостью, жестокостью, античеловечностью, один шаг навстречу ураганному огню врага — и вся жизнь героя, отданная народу. «За видимыми границами плацдарма — километр в глубину и полтора километра по фронту — возникает горизонт осознаваемый: поколение, народ; страна» [4, с. 424].

Опираясь на свои жизненные впечатления, воспроизводя судьбу своего поколения, утверждая, что опыт человека, прошедшего войну, неповторим, уникален, Г. Бакланов в то же время не мыслит литературного процесса без взаимосвязи с достижениями гуманистической художественной мысли прошлого. Ему принадлежит утверждение: «... все лучшее, что написано о войне, опирается на традицию. Это великая толстовская традиция, она явно ощущается в наших книгах. Можно даже ска-

зять, что мы стоим на плечах гения, но видим, к сожалению, ближе, чем видел он [1, с. 366].

Обращение к толстовской традиции не случайно. Именно Л. Толстой, считает Бакланов, оказал определяющее влияние на его творческую манеру, на принципы изображения войны. Это постановка нравственных проблем, волнующих наше общество и сегодня: это противопоставление мира гармонии и красоты миру «маленьких наполеонов», миру зла и тщеславия; это и художественное воплощение героического начала, представление русского человека, т. е. и Льва Толстого, о храбрости; нашедшее концентрированное выражение в образе капитана Тушина. «За Тушиным целая литература пришла в мир. Он и в наших книгах есть тоже, осознанно или неосознанно. И в то же время — свой взгляд на мир, свои нравственные представления, свое понимание твоей обязанности в этом мире» [1, с. 344].

Толстовская «скрытая теплота патриотизма», любовь к людям, беспощадная правда в изображении войны, простота и естественность в проявлении героизма, стремление обыкновенных людей выполнить свой гражданский и воинский долг находят яркое и глубокое воплощение в прозе Г. Бакланова. Видя в творчестве Толстого выражение «гармонии мира», воссоздание «мира в его единстве», а не только в трагических осколках его», советский писатель-фронтовик ведет разговор о героизме, «чтобы в людях не угасло человеческое».

В сжатой, лаконичной, предельно напряженной, обнаженно правдивой прозе Г. Бакланова герои проходят суровое испытание войной, которая определяет суть человека, социальную значимость его нравственных качеств. Доминантой в оценке личности является способность к героическому действию, к самопожертвованию. Писатель обращается к исследованию тех мотивов, переживаний, напряженной внутренней борьбы, которые демонстрируют подлинную силу человеческого духа, стойкость перед лицом смерти, глубину патриотизма и героизма.

«41-й год, — пишет автор, — при всей трагичности был годом величайшего мужества...» [2, с. 81]. Человеком истинного мужества, способным взять на себя ответственность в предельно напряженной, драматической ситуации первого месяца войны, является командир корпуса генерал Щербатов (роман «Июль 41 года»). Характер Щербатова проходит проверку на прочность в сложной, подчас трагической обстановке 30-х годов. Не утратив истинно человеческих качеств в период культа личности, не потеряв веру в человека, способность любить людей, Щербатов проявляет себя в первые дни войны как человек долга и чести, как командир, глубоко понимающий свою ответственность за все свои действия. «Когда первый раз мы брали винтовку в руки, в семнадцать лет, — говорит он Лапшину, вспоминая свою юность, овеянную романтикой гражданской войны, — мы знали тогда, что идем в бой за все человечество.

И не было на земле ничего, за что бы не отвечали мы. Неужели же теперь, когда командуем тысячами людей, с нас спрос меньше?» [1, с. 248].

Выстраивая сюжет по принципу антитезы, автор противопоставляет способности Щербатова проанализировать обстановку, принять верное, единственно оправданное решение (так он, еще не получив приказа, приводит корпус в состояние боевой готовности) безответственность, некомпетентность Лапшина, озабоченного лишь тем, чтобы удачно доложить начальству. Растерянность, трусость, ограниченность Лапшина ведет к тому, что корпус оказывается в глубоком окружении. Генерал Щербатов в критической ситуации ведет себя героически: испытывая высокое напряжение всех своих душевных сил, неся боль о погибшем сыне Андрее и тысячах таких же сыновей, он в одном ряду с солдатами идет в бой, вдохновляя воинов своим примером.

Опираясь на толстовские традиции, создает Г. Бакланов образ командира полка Прищемихина. Как тут не вспомнить, что толстовские Тушины и в книгах советских прозаиков-баталистов присутствуют! Внешняя неприметность, даже заземленность облика и внутренняя собранность, способность на высокие движения души — таков Прищемихин. Рядом с другими офицерами он кажется подростком «с морщинистым лицом, узкими глазами, в которых мелькала быстрая мысль, большими оттопыренными ушами и вздернутым носом...» [1, с. 216]. Но он оказывается умелым военачальником, мыслящим командиром, который видит бой не только сверху, но и снизу, с позиции солдата, так как душой он вместе с ним. И этот маленький, невзрачный человек совершает великий подвиг самопожертвования, оставаясь со своим полком для того, чтобы отвлечь внимание немцев, вызвать огонь на себя и тем самым дать корпусу уйти. Сцена прощания с Прищемихиным исполнена высокого пафоса: внутреннее величие выделяет его из общей массы.

В книгах Бакланова о войне присутствует подлинная мера ценностей. Жизнь — смерть, героизм — трусость — вот та грань, которая резко делит персонажи его произведений. Развивая мысли Л. Толстого об истинной и ложной храбрости, Бакланов в повести «Мертвые сраму не имут» резко противопоставляет истинное величие простого человека и глубину падения труса и приспособленца. «Так пропасти, — замечает А. Бочаров, — усиливают впечатление от пиков, а закрывающая солнце туча — от сияния летнего дня» [4, с. 429].

Замполит Васич, большой и добрый человек, просто и естественно выполняет свой воинский долг. Для него нет вопроса, что выше: личное или общее. Война, страдания, смерть товарищей не ожесточили души Васича. В тяжелом бою и при отступлении дивизиона Васичем владеет одно стремление: спасти людей, вывести их из-под огня немецких танков. Именно Васич начинает понимать причины трагедии дивизиона: начальник

штаба капитан Ищенко, бросив батареи, спасал свою жизнь, и орудия дивизиона вышли прямо на немецкие танки. Он «предал, потому что бежал. Из жалости к себе. За те, кто жалеет себя в бою, другие расплачиваются кровью. Это закон войны» [1, с. 172].

Васичу видятся две сущности Ищенко: одна — капитан, одетый в форму, человек, облеченный властью, которому дано право призывать, а за этим — моральный авторитет армии, другая — трус, «раздетый страхом до своей сущности...» И Васич подумал холодно: «Выйдем — будем его судить» [1, с. 172].

Политрук Васич ведет группу солдат своего дивизиона по немецким тылам, пробиваясь с боями к своим, к фронту, и погибает.

Родственная ему натура — командир дивизиона майор Ушаков, героически павший в бою с фашистами. Им тоже движет одно стремление — спасти людей. Увидев, что танк в упор бьет из пулемета, Ушаков, не замечал, что по нему стреляют, бросается к подбитому бронетранспортеру: там зенитный пулемет. Уже смертельно раненый, он «полз по снегу, приподымался, падал, опять полз, весь в снегу, оставляя за собой широкий кровавый след. Он еще не чувствовал, что убит, он жил» [1, с. 160]. И ему было отпущено судьбой изведать счастье перед смертью: он услышал, как застрочил зенитный пулемет, и, подняв голову, успел увидеть, как загорелся немецкий танк. «Это было последнее, что видел Ушаков, и умер он счастливый» [1, с. 160].

Так же, не чувствуя, что уже убит, вел роту в атаку герой «Севастопольских рассказов» Л. Толстого Михаил Козельцов. Умирая, он думает об одном: выбиты ли французы? И услышав от священника, что «везде победа за нами осталась» (тот скрывает от раненого, что на Малаховом кургане развевается французский флаг), Михаил Козельцов плачет радостными слезами. Того же счастья желает он и младшему брату Владимиру — счастья отдать жизнь за Родину, за народ.

Творчески осваивая достижения русской классической литературы, советский писатель создает образы людей своего времени, которыми движет чувство ответственности перед социалистической Родиной, для которых долг — своеобразный фокус, концентрирующий духовную сущность человека. Именно долг, ставший нравственной потребностью, приводит человека к героическому поступку, высшему проявлению его нравственных сил. Так рождается героический характер, находящийся в центре внимания Г. Бакланова.

Повинуясь воинскому долгу, действует Володя Третьяков («Навеки — девятнадцатилетние»). Уже испытав жестокость передовой, он добивается назначения в батарею, командует взводом управления, корректируя огонь нашей артиллерии. Третьяков — обыкновенный юноша, с мечтами о будущем, с первой робкой любовью, но его отличает чувство ответственности не только за свои действия, но и за подчиненных ему

солдат, способность видеть в своем ратном деле глубокий исторический смысл. Он размышляет о том, что у каждого есть свое место, своя правота, своя вина. Свое же место видит всегда впереди, в самой опасной точке. Примечателен эпизод с мостом, через который надо было провести орудия. Выдержит мост или нет?

«— Я под мостом буду стоять... Надо мной проведешь орудие... — И как в свою судьбу вошел под мост» [1, с. 464].

Героически ведет он себя во время боя, стойко встречает контратаку немецких танков; под вой мин, грохот снарядов бежит по полю разматывая провод и, не слыша своего голоса, передает координаты на батарею, с замиранием сердца ожидая «своего выстрела. Чистый и честный юноша, Володя Третьяков, как и Мотовилов, и другие герои Г. Бакланова, сражается не только против фашизма, но против всего зла на земле, против жестокости войн, против гибели лучших людей.

«Мы отражаем нашествие. Не мы начали войну, немцы на нашу землю пришли — убивать нас и уничтожать. Но они зачем шли?... Неужели когда-нибудь окажется, что этой войны могло не быть? Что в силах людей было предотвратить это? И миллионы остались бы живы...» [1, с. 501].

Безвестный герой великой битвы, а с ним и сам автор, размышляя о путях истории, о зависимости отдельного человека от исторических обстоятельств, протестует против захватнических войн, утверждает ценность человеческой личности, которую видит во внутреннем «свечении характера», в верности воинскому и гражданскому долгу, в способности «сделать доброе дело для всех людей» [1, с. 501].

Таким образом, концепция героического раскрывается в военной прозе Г. Бакланова через героический характер, выражающий эстетический идеал автора. Герои прозы Бакланова — обычные люди, «не лучше и не хуже», как говорит один из них. Но именно в них видит писатель торжество лучших человеческих качеств. Героическое выступает в произведениях Бакланова как высшая мера человеческого в человеке. Гуманистический пафос и героическое звучание его прозы нераздельно.

Обращаясь к традициям Л. Толстого, делая, как и его великий предшественник, правду главным героем своих книг, Бакланов стремится «... проявить, высказать правду о душе человека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простыми словами» [9, с. 94].

Воссоздавая героические деяния простых советских людей, их беспримерный подвиг в борьбе против фашизма, военная проза Г. Бакланова имеет антимилитаристскую направленность. Писатель считает, что литература, в том числе и посвященная минувшей войне, должна утверждать жизнь, мир — те вечные, подлинные ценности, которыми живет человечество, должна бороться за то, чтобы двадцать первый век стал «веком жизни без страха всеобщей гибели» [6, с. 88].

1. *Бакланов Г.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1985. Т. 4. 2. *Бакланов Г.* О нашем призвании. М., 1979. 3. *Бакланов Г.* Военные повести. М., 1984. 4. *Бочаров А.* Человек и война. М., 1978. 5. Вопросы литературы. 1975. № 5. 6. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1985. 7. Молодой коммунист. 1976. № 5. 8. Словарь по этике. М., 1983. 9. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. М., 1951. Т. 53.

Статья поступила в редколлегию 15.04.89

Л. А. Орехова, доц.,
Симферопольский университет

Особенности воплощения военной темы в современной лирической прозе

Современная лирическая проза — мощное, с богатыми художественными и воспитательными возможностями стилевое течение. Ее отличает особое содержание, в основе которого «поток эмоций» автора, исследование действительности сквозь призму чувств писателя. Отсюда — форма прямого писательского монолога, раскованность повествования, свободное обращение с материалом, отсутствие хронологии в передаче событий и обстоятельств.

Причина успеха современной лирической прозы прежде всего в широком охвате жизни, многоаспектности и остроте проблематики. При этом — открытое выражение писательской позиции, звучность авторского голоса, диалог с читателем. В лирической прозе разрабатываются все темы: войны и мира, Родины, природы, исторической памяти, человеческого счастья и назначения на земле. Теперь уже ясно, замкнутость писателя-лирика в кругу интимных проблем и переживаний приводит к ненужной эстетизации чувства, делает повествование неинтересным и аморфным. Именно это завело в тупик «исповедальную» прозу 60-х годов: о ней стали говорить как о «затухающей», не способной дать «героя деятельного, в полном смысле современного» [8, с. 25]. Гегель предупреждал: «Не надо понимать так, что индивид, чтобы выразиться в лирических формах, должен отрешиться от всех и всяких связей с национальными интересами и воззрениями и формально опираться только на самого себя. Как раз напротив, в такой абстрактной самостоятельности содержания остается только совершенно случайная и частная страсть, произвол желаний и стремлений и открывается неограниченный простор для несурзных выдумок и капризной оригинальности чувства» [2, т. 3, с. 504].

Тема Великой Отечественной войны — одна из самых трепетных в лирической прозе. «Это тема человека, до конца, самым жесточайшим образом испытанного на прочность и верность Родине, народу, знамени» [3, с. 74]. По мере того как отдаляются военные годы, острее ощущают писатели-фронтовики потребность рассказать о войне так, как они ее видели и